

«Хождение» оканчивается сообщением, что царь и патриарх «учали жаловать (Гагару, — В. Д.): корм и подачи были», и царь приказал ему служить в Москве, в гостиной сотне, а в Казань «на старину ехать не повеле». Таким образом, на основе описания мест поклонения создается цельная повествовательная концепция о том, как великий грешник покаялся, был прощен богом и награжден царем.

Так, в религиозно-назидательном плане, подана жизнь обыкновенного человека в допетровском «хождении». Этому можно противопоставить биографию, передаваемую паломником начала XVIII столетия, посадским человеком Матвеем Гавриловичем Нечаевым, ездившим в Иерусалим в 1719—1720 гг. Безотносительно к нравованию он рассказывает про случайно встреченного им в Свенске монаха, «страшного образом, черного видением». Этот монах попал в плен при набегах крымских татар, был продан в рабство в Константинополь, пробыл двадцать лет на турецкой каторге, оттуда был похищен венецианцами, отвезен в Рим и после вернулся в Россию.⁵⁴

Не только Даниил или Зосима, но даже Суханов и Иона Маленький не рассказали бы такой биографии.

Допетровские паломники мало обращают внимания на природу, и в частности на животный мир, исключая таких представителей последнего, как страус (струс, струц, строфокамил) и крокодил, описания которых встречаются в некоторых «хождениях». Но библейское воспоминание могло вызвать интерес к природе. Позняков, говоря о том месте, где по Библии вóроны приносили пищу постыжающему Илье-пророку, замечает: «а вранове тут живут не велики добре».⁵⁵ Для паломника Петровского времени не нужно библейских рассказов, чтобы остановить внимание на природе. Лукьянов сообщает: «Горлиц в Цареграде весьма много; радостно очень, как они на заре курлукают; соловьи плошае наших».⁵⁶

Как ни скупы на личные мнения наши паломники, но знакомство с другими народами, верованиями и обычаями вызывало их высказывания, в которых проявлялась их идеология. Сюда принадлежит отношение паломников к греческому духовенству.

Когда в 1589 г. была учреждена московская патриархия и греческое духовенство потеряло официальные позиции в Московском государстве и связанные с ними экономические выгоды, оно старалось наверстать потери иными средствами: политической агентурой в интересах московского правительства, торговлей мнимыми святынями и простым выспрашиванием милостыни. Поток греков, жаждавших поживы — говорит Н. Ф. Каптерев — «с течением времени становится все шире и стремительнее, грозя совсем опустошить царскую казну».⁵⁷ В населении это обостряло отрицательное отношение к грекам, «никогда, — как пишет П. И. Мельников-Печерский, — не пользовавшимся добрым мнением наших предков».⁵⁸ Яркими выразителями этого были Арсений Суханов и Иван Лукьянов.

Суханов ехал на Восток со сложившимся предубеждением против греков, полагая, что они враги славян, хотели убить Кирилла за изобретение

⁵⁴ Путешествие посадского человека Матвея Гаврилова Нечаева в Иерусалим (1719—1720 гг.). Под ред. Н. П. Барсова. — Варшавские университетские известия, 1875, № 1, стр. 1—34.

⁵⁵ Православный Палестинский сборник, т. VI, 3, кн. 18, стр. 25.

⁵⁶ Русский архив. М., 1863, вып. 2, стр. 131.

⁵⁷ Н. Ф. Каптерев Характер отношений России к православному Востоку в XVI—XVII веках, изд. 2. М., 1885, стр. 59

⁵⁸ П. И. Мельников-Печерский, Полн. собр. соч., изд. 2, т. 7, СПб., 1909, стр. 12.